

УДК 78 (092)

МИРООЩУЩЕНИЕ С.ПРОКОФЬЕВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ

© 2009 Т.В.Сафонова

Саратовская государственная консерватория им. Л.В.Собинова

Статья поступила в редакцию 26.01.2009

Автор предпринимает попытку обоснования светлого оптимистического начала музыки С.Прокофьева с позиций внутреннего единства с основными интенциями и направленностью русской культуры и русской религиозно-идеалистической философии.

Ключевые слова: музыка, С.Прокофьев, мироощущение, русская философия, оптимизм.

Творчество С.Прокофьева обладает чертой, исключительно редкой в искусстве XX века – в его музыке преобладает светлое, позитивное начало, что, без сомнения, является выражением мироощущения композитора, оптимистичного по своей сути.

Какова природа этого оптимизма? Какие источники позволили композитору сохранить цельность и внутреннее здоровье в бесконечной череде социальных потрясений и катастроф, в условиях хаоса и распада, в атмосфере, пронизанной ощущением трагизма и безнадёжности? Оптимизм как мироощущение вырастает только на основе убеждения в прочности оснований бытия. В XX веке эти основания существенно пошатнулись: понятие абсурда становится одним из центральных в системе представлений о мире. Отсюда – трагизм и пессимизм, характерный для большинства произведений крупных художников первой половины прошлого столетия. Тем ярче проступает на этом фоне своеобразие музыки С.Прокофьева, которую с полным основанием можно назвать звучащей метафизикой света. Как замечает исследователь его творчества М.С.Тараканов, «даже в самых мрачных своих созданиях Прокофьев, в отличие от экспрессионистов, остается верен позитивному идеалу, облакаемому в плоть и кровь одухотворенного звучания. Прокофьев умел писать радостную и счастливую музыку, в отличие от А.Берга, сетовавшего на свою неспособность её творить»¹. Откуда этот оптимизм, свет веры и

надежды? Основания его, видимо, следует искать в каких-то глубинных слоях внутреннего мира этой уникальной личности. В данной статье в качестве таковых предлагается рассмотреть православные традиции русской культуры, которые, будучи усвоены еще в детстве, оказывали (часто бессознательно) воздействие на мироощущение композитора.

В литературе сложилось довольно устойчивое мнение о том, что С.Прокофьев был атеистом. Нам представляется, что эта характеристика не может рассматриваться как абсолютно однозначная и бесспорная. Прежде всего, имеет смысл обратиться к исследованию религиозно-философских исканий самого композитора. Основным источником здесь могут послужить его дневниковые записи. Их композитор оставил не так много. Этому есть свое объяснение. В вопросах, касающихся глубинных пластов его личности, его собственного внутреннего мира, С.Прокофьев был человеком скрытным. Касаясь вопроса о религиозности, он пишет: «Вообще скрытность характера в вопросах, близких сердцу, проявилась и тут, и всю борьбу за религию я нес внутри, не делаясь и не обсуждая ни с кем (курсив мой – Т.С.)»². Прокофьев был осторожен и лаконичен в высказываниях на темы, не имеющие прямого отношения к музыке. Он сознательно абстрагировался от социально-политических реалий своего времени и намеренно «замыкался» в границах искусства, музыки.

Переходя к анализу дневниковых записей, отметим, что маленький Сережа воспитывался в условиях традиционного уважения к религии

⁰ Сафонова Татьяна Викторовна, преподаватель кафедры специального фортепиано; концертмейстер кафедры академического пения; оперной подготовки; дирижирования академическим хором.

E-mail: tatianasafonova@mail.ru

¹ Тараканов М.С. Прокофьев: легенды и действительность // Сергей Прокофьев. 1891 – 1991. Дневник,

письма, беседы, воспоминания / Составитель М.Е.Тараканов. – М.: Сов. композитор, 1991. – С. 5.

² Прокофьев С.С. Автобиография. Изд. 2-е, доп. – М.: Сов. композитор, 1982. – С. 174.

и был хорошо знаком с христианским вероучением. «Меня с детства учили религии...» – пишет он в «Автобиографии»³. Семья, из которой происходила мать, была очень религиозна. Что же касается отца, то, по словам композитора, «если он не верил метафизической стороне христианства, он уважал моральную сторону, считая учение Христа благороднейшим проявлением человеческого духа»⁴. Композитор рассказывает и о том, что в детстве изучал Закон божий, поскольку знание Ветхого, Нового заветов и катехизиса требовалось для гимназии. На этом этапе Прокофьев так и не стал правоверным христианином, верующим в собственном смысле этого слова. Видимо, догматическое православие его не вполне устраивало. Однако напряженные поиски духовных, в том числе религиозных, ориентиров не прекращались на протяжении всей его жизни.

О наличии у С.Прокофьева интереса к религии свидетельствует то, что, живя во Франции, он посещал собрания сообщества «Christian Science» (Христианская наука). Тезисы основных идей этого религиозного движения мы находим у него в записной книжке. Несмотря на то, что по объему эти тезисы занимают всего страницу, сам факт написания их примечателен. Зная о скрытности Прокофьева, можно сделать вывод о том, что данные записи имели для него большое значение. Не остались они незамеченными и исследователями жизни и творчества композитора. Так, А.Ляхович рассматривает его как свидетельство интенсивных духовных поисков композитора и, более того, его стремления к религиозному самоопределению. «Содержание данного документа – самоидентификация Прокофьевым с неким духовным началом в соответствии с канонами «Христианской науки», – пишет автор. – Само по себе обращение Прокофьева к мистико-религиозному самоопределению – важное свидетельство его мировоззренческих установок. Важным представляется и приблизительное совпадение датировки этого документа со временем работы над оперой «Огненный Ангел», в основу которой положена этико-религиозная концепция»⁵.

В перечне, который Прокофьев выбрал для себя из учения Christian Science, изложены принципы, помогающие человеку укорениться

в мировом пространстве и дающие творческий импульс, ориентированный на созидание. Композитор писал их на английском языке. При этом в различных переводах имеются разночтения. Например, «divine activity» Свято-слав Прокофьев переводит как «духовная сила»⁶, музыковед В. Варунц – как «божественная деятельность»⁷. Несмотря на существенные различия этих понятий, и в том, и в другом случае имеется в виду некий выход в область трансцендентного. Несколько отвлекаясь, заметим, что тенденция к трансцендированию является отличительной чертой русского сознания, которое, по утверждению исследователей, «всегда направлено к запредельному, сверх-обыденному, стремится к Высшему, Абсолютному»⁸. В этой вере в существование высших начал бытия имплицитно содержится основание для оптимизма.

В одном из рассматриваемых тезисов явно обнаруживается оптимистическая ориентация и духовная самоидентификация композитора. «Угнетенное состояние (депрессия) является обманом, порожденным смертным мозгом, – пишет он, – следовательно, оно не властно надо мной, ибо я – проявление жизни, то есть духовной силы»⁹. В переводе В.Варунца это звучит несколько иначе: «Уныние – проявление смертного разума, следовательно, оно мне не свойственно, так как я – выражение Жизни, то есть божественной деятельности»¹⁰. Очевидно, что для Прокофьева эта жизнь не исчерпывается одними лишь материально-земными проявлениями, она пронизана божественным светом, Духом. Композитор специально подчеркивает это: «Я – выражение Духа, который дает мне силы сопротивляться всему, что является бездуховным»¹¹. Вместе с тем, в рассуждениях Прокофьева нет отвлеченной абстрактности: понятия «дух» и «жизнь» здесь неразрывно связаны. В этой одухотворенности жизни и животворности духа, утверждаемой и сознательно декларируемой композитором, обнаруживается глубинная связь с национальной традицией, с особенностями российской ментальности,

³ Прокофьев С.С. Автобиография. – С. 174.

⁴ Там же.

⁵ Ляхович А. Природа поэтики Прокофьева в контексте особенностей его музыкального театра [Электронный ресурс] // Израиль XXI: электрон. муз. журн. – 2008. – N 10. URL:

<http://www.21israel-music.com/Prokofiev.htm> (дата обращения: 24.02.2008).

⁶ Савкина Н.П. С.С.Прокофьев и секта Христианская наука // Сергей Прокофьев. 1891 – 1991. Дневник, письма, беседы, воспоминания. – С. 156.

⁷ Прокофьев о Прокофьеве: Статьи, интервью / Ред.-сост. В.Варунц. – М.: Сов. композитор, 1999. – С. 82.

⁸ Фомина З.В. Человеческая духовность: бытие и ценности: монография. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1997. – С. 188.

⁹ Савкина Н.П. С.С.Прокофьев и секта Христианская наука. – С. 156.

¹⁰ Прокофьев о Прокофьеве: Статьи, интервью. – С. 82.

¹¹ Там же.

наиболее рельефно выраженной в русской религиозно-идеалистической философии.

В литературе не раз подчеркивалось, что это – философия целостной жизни духа. Так, А.Ф.Лосев писал: «Самобытная, творческая философская мысль всегда ставила у нас себе задачу раскрытия не отвлеченной, интеллектуальной истины, а истины как пути к жизни... наша творческая философская мысль сознательно ставила себе задачу утвердить против всякой рационалистической рассеченности целостную религиозную философию»¹². Сам мир рассматривается в ней не как чисто материальное, «падшее» бытие, а как пронизанный духовностью, происходящий из абсолютного духовного начала. Создатель концепции Всеединства В.Соловьев писал: «Тот мир, который, по слову апостола, весь во зле лежит, не есть какой-нибудь новый, безусловно отдельный от мира божественного, состоящий из своих особых существенных элементов, а это есть только другое, недолжное взаимоотношение тех же самых элементов, которые образуют и бытие мира божественного»¹³. Русские философы видят достижение полноты жизни в причастности материального мира к единому божественному источнику, Абсолюту. Это позволяет мыслителям представить целостную картину бытия. Но, ориентированная на познание сверх-эмпирических, высших начал человеческой жизни, русская мысль никогда не переходила ту грань, за которой философия превращается в абстрактное теоретизирование. «Она всегда держит в поле своего зрения реальную человеческую личность – не только обращенную к высшим, запредельным смыслам, но и стоящую на земле, принадлежащую природному миру»¹⁴.

Русская философия оптимистична по своей сути. Она исходит из представления о божественной предустановленности мира и возможности преодоления зла в нем. В противоположность пессимизму западной философии с ее ощущением заброшенности, одиночества человека, в русской мысли всегда сохранялась убежденность в возможности преображения павшего, растерзанного мира, в результате чего произойдет «полное одухотворение материи и полная материализация идеи». В подтверждение этих слов читаем у С.Франка: «Последняя божественная основа бытия, в своем действии

на мир, ведет к преображению и обожению мира»¹⁵. Анализ записей Прокофьева позволяет говорить о том, что в своей направленности он оказывается близким отмеченным духовным интенциям русской философии.

В частности, речь пойдет о специфике прокофьевского рационализма, о характерном понимании композитором смысла и сущности Разума. Как отмечает А.Ф.Лосев в статье «Русская философия», ее ключевым понятием является Логос – в противоположность основанию западноевропейской философии – *ratio*. Логос представляет одну из ипостасей Абсолюта и наделяется атрибутом разумности, он метафизичен и божественен, тогда как *Ratio* есть человеческое свойство и особенность. Философ В.Эрн следующим образом характеризует Логос: «Это не субъективно-человеческий принцип, а объективно-божественный. *En arche en ho Logos* (В начале было Слово). В нем сотворено все существующее, и поэтому нет ничего, что не было бы внутренне, тайно себе, проникнуто Им»¹⁶. В противоположность абстрактному *Ratio*, русская самобытная философия посредством богочеловеческого Логоса постигает иррациональные и тайные глубины космоса конкретным и живым разумом, оплодотворенным Красотой и Любовью. Записи С.Прокофьева дают основания отнести его взгляды именно к такому пониманию Разума: «Являясь проявлением Разума, я способен к сильному творческому мышлению. Я – проявление Любви, которая поддерживает мой постоянный интерес к моему творчеству. Индивидуальность дана мне для создания Красоты»¹⁷. Несмотря на явную обращенность к высшим ценностям, здесь нет презрения к реальному бытию и утверждения «чистого», отвлеченного идеализма, абстрактной духовности. Прокофьев писал: «Я пребываю в радости, несмотря на неприятности, ибо столкновение с ними показывает реальность жизни»¹⁸. Любопытен и зачеркнутый вариант: «Я радуюсь, несмотря на превратности судьбы, так как обладаю возможностью удостовериться в их нереальности»¹⁹.

И.Нестьев, сравнивая творчество двух выдающихся современников – Стравинского и Прокофьева, писал: «Более земной, стихийно почвенной, представала личность молодого

¹² Лосев А.Ф. Русская философия // Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 211.

¹³ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т.1. – С. 123.

¹⁴ Фомина З.В. Человеческая духовность: бытие и ценности. – С.183.

¹⁵ Франк С.Л. Свет во тьме // Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – С.185.

¹⁶ Цит. по: Лосев А.Ф. Русская философия. – С. 216.

¹⁷ Савкина Н.П. С.С.Прокофьев и секта Христианская наука. – С.156.

¹⁸ Там же. – С.157.

¹⁹ Прокофьев о Прокофьеве: Статьи, интервью. – С. 84.

Прокофьева, начавшего свой путь в семье провинциального агронома, в тихой патриархальной Сонцовке. Уступая Стравинскому в художественной эрудиции, в остроте философского мышления, он зато был теснее связан с родной природой, с народной песенностью. Ему в большей степени были присущи свежесть мировосприятия – без сложных психологических «комплексов», внутренняя духовная чистота – черты, вызывавшие порой снисходительную улыбку у европейца и эрудита Стравинского²⁰. Думается, что отмеченные черты свидетельствуют о яркой выраженности в личности Прокофьева национальной самобытности: стихийная почвенность и внутренняя духовная чистота связаны с особенностями русской ментальности. Последние основательно проанализированы Н.Бердяевым в его работах «Русская идея» и «Истоки и смысл русского коммунизма». «В типе русского человека, – пишет автор, – всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру. Для русского народа одинаково характерен и природный дионизизм и христианский аскетизм»²¹.

Указанный дуализм обнаруживается и в музыке С.Прокофьева. С одной стороны, в его произведениях, особенно раннего периода творчества, отчетливо выражено «бунтарское», «скифское» начало, ярким примером которого может служить «Скифская сюита». Характерной чертой этой линии является токкатность, приобретающая значение демонической, темной, роковой стихии. Токкатная пульсация часто связана у Прокофьева с семантикой неутомимого хода Времени (музыка часов в «Золушке», пульсация в сцене смерти Меркуцио и танце Джульетты с напитком из «Ромео и Джульетты»). С другой стороны, значительное место в музыке Прокофьева занимает мелодика нового типа – «серафическая» мелодика балетных *Adagio*, синтезирующая инструментальный, речевой и кантиленный прототипы на базе «бесконечной мелодии», эмоционально крайне насыщенная, но, вместе с тем, являющаяся образцы совершенной красоты. Она олицетворяет светлое, творческое, сакральное, Любовь. Об особом лиризме С.Прокофьева Б.Асафьев писал: «Я знал, что дарование Про-

кофьева носит в себе музыку зорь человечности, порой удивительно хрупкую, паутинно-нежную, порой серебристо-искрящуюся, играющую своей красотой, как девушки-русалки или девушки-лебеди в сказках, как романтические принцессы бывших романтических легенд (...). Нельзя не любить этих застенчиво-лаконичных скрытых за стенами причуд грёзовых страниц Прокофьева. Это лирика, которая говорит только языком музыки, и она вянет в словах, когда пробуешь её «излагать»²².

В пластике мысли Прокофьеву близок Моцарт. Несмотря на то, что ему удалось не сразу оценить гениального предшественника, подсознательно С.Прокофьев ориентировался именно на тот тип «объективной лирики», где художника отделяет некая дистанция от его создания, а воплощенные им переживания обретают внеличную общезначимость. Любопытно отметить, что такой же внеличный объективизм, «космизм» рассматривался в качестве идеала музыкального выражения и выдающимся русским философом П.А.Флоренским, в жизни которого музыка занимала весьма значительное место²³. Отец Павел внутренне восставал против чрезмерной эмоциональности музыки («мокрости чувств») и искал в музыке объективности, «сухости звука»²⁴. Говоря о впечатлении, возникавшем у него при слушании Моцарта и Бетховена, он писал: «Еще какой-то шаг – и будет достигнут предел, последняя глубина звука... И я делал для себя этот шаг и освобождал музыку от последнего привкуса психологизма; она звучала в моем сознании как музыка сфер, как формула мировой жизни»²⁵. Примечательно, что и для выдающегося поэта, философа Серебряного века Вяч. Иванова назначение поэзии было не столько в душевных переживаниях, сколько в поиске духовного откровения. Как отмечают исследователи его творчества, «стихотворения Вяч. Иванова преимущественно надэмоциональные, ибо сам процесс поэтического творчества нацелен на спокойное созерцание вне-

²² Асафьев Б. С.Прокофьев // Сов. музыка. – 1958. – 3. – С. 45 – 56.

²³ См.: Памяти Павла Флоренского. Философия. Музыка. – СПб.: 2002. Сам отец Павел писал: «Я много раз думал, что музыка и именно композиция, может быть деятельностью дирижера, была моим истинным призванием и что остальные мои занятия были для меня лишь суррогатом того, музыкального» (Цит. по: Трубачев С. Музыкальный мир П.А.Флоренского // Советская музыка. – 1988. – 8. – С. 82.

²⁴ Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней... [Природа] // Московский рабочий. – 1992. – С. 81.

²⁵ Цит. по: Трубачев С. Музыкальный мир П.А.Флоренского. – С. 86.

²⁰ Нестьев И. Светила и спутники // Сергей Прокофьев. 1891 – 1991. Дневник, письма, беседы, воспоминания. – С. 282.

²¹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – С. 8.

временного бытия»²⁶. Обращение к творчеству П.Флоренского и Вяч. Иванова в нашей работе имеет целью обратить внимание на общую направленность русской культуры, в том числе философа Флоренского, поэта Иванова и композитора Прокофьева, к выражению универсальных оснований космоса. Возвращаясь к лирике С.Прокофьева, можно отметить, что с «серафическим» началом связаны характеристики женских персонажей прокофьевского театра, что, возможно, косвенно восходит к характерной для русской религиозно-философской традиции обращенности к Софии – Вечной Женственности. Любовь как высшая ценность бытия становится содержательной доминантой музыки композитора, особенно в поздний период его творчества. В этой духовной трансформации композитора также просматривается определенная близость к идеям русской религиозно-идеалистической философии. Свидетельства напряженной мировоззренческой рефлексии композитора обнаруживаются в его дневниках. Приведем некоторые выдержки из них, которые позволяют говорить об эволюции взглядов С. Прокофьева в сторону религиозности, особенно явно наметившихся после увлечения Christian Science. Рассуждая о сущности творческой активности в природе, композитор пишет: «Старый вопрос – есть или нету Бога – принимает несколько иное освещение, если поставить его иначе, а именно: творчество в природе сознательно или бессознательно? Атеисты, по-видимому, утверждают, что оно бессознательно. Если же допустить, что оно сознательно, то это и есть уже Бог! В теориях атеистов – какая-то шаткость: как это бессознательное творчество природы нашло в себе элементы сознательного человека, и когда этот человек всё осознал, то он оказался все-таки глупее бессознательной природы, постоянно удивляясь ей и получая от

нее уроки? Довольно обидно и глупо. И как все стройно, как только допустить сознательное творчество»²⁷. Как видим, Прокофьев явно дистанцируется от атеистов. Более того, напряженная рефлексия над фундаментальными метафизическими проблемами приводит композитора к выводам, имплицитно содержащим утверждения о возможности и необходимости существования Бога.

Показателен диалог Прокофьева с Демчинским (в Москве в 1932 г.), в котором он сам объясняет источник своего оптимизма: «Завтрак с Демчинским. Он пробует произвести атаку на бодрость и радость. Музыка должна передать общую тревогу, когда ни наука, ни общественность не дает исхода. Я: если море бушует, то тем ценнее твёрдая скала среди волн. Он: но никто ее не поймет; и на чем основано это спокойствие – на здоровье, на самоуверенности, на личном я? Я: *на упоре в Бога* (курсив мой – Т.С.). Он: (сразу меняет тон): а, тогда вопрос другой. Атака отбита»²⁸. Здесь очень важный момент: понимание композитором сущности и назначения творчества: он сам указывает, что его оптимизм проистекает из прочного основания, каковым является Бог! Сказанное позволяет сделать вывод: в своих глубинных основаниях и в своей направленности мироощущение С. Прокофьева оказывается близким к духовным интенциям русской культуры и, в частности, идеям русской религиозно-идеалистической философии.

²⁶ Пургин С.П. Философия в круге слова: Вячеслав Иванов: монография. – Екатеринбург: Сфера, 1997. – С. 15.

²⁷ Прокофьев С. Дневник. 1907 – 1933: дневник в 2 ч. с приложением альбома / С.С.Прокофьев. – Paris: sprkfv, 2002. Ч. 2. – С. 682.

²⁸ Там же. – С. 817.

WORLDVIEW OF S.PROKOFIEV IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN SPIRITUAL TRADITION

© 2009 T.V.Safonova^o

Saratov State Conservatory named after L.V.Sobinov

The author makes an attempt to establish the origins of optimism in music by S. Prokofiev from the position of internal unity with the primary intentions and trends of Russian culture and Russian religious idealistic philosophy.

Key words: music, S.Prokofiev, worldview, Russian philosophy, optimism.

^o Safonova Tatiana Victorovna, conservatory employee, teacher at the Department of Special Piano, assistant Professor, accompanists at the departments of Academic Singing; Opera Training; Academic Choir Conducting (part time job).